

Олена Мамчич

Доцент кафедри слов'янської філології Чернігівського національного педуніверситету, кандидат педагогічних наук. Літературний редактор, перекладач. Автор 85 наукових публікацій, 19 антологій та п'ятьох поетичних збірок. Член літературної спілки „Чернігів” і Всеукраїнської творчої спілки „Конгрес літераторів України”.

Мир приключений – безмятежность мира, ответ не прост, а сложен и суров, еще послужишь мне, благая лира, еще ответишь узелками слов. Не обманушь, входя в твои просторы, поверив чуду верного греха, сниму заклятья вольных заговоров – вдруг, став спокойной, потечет река. И приключения, и страсти, и напасти, и ветер запахом прошелестит, вновь примет свет блаженнейшее счастье – уйти в объятия искренних молитв. И снова день, и снова ночь, и песня – продолжают век невзгод и перемен, остановись, мгновение, без лести рисуя мир распятий и измен...

На ощупь, путаясь в ветвях, и падая, и вновь вставая, живешь за совесть, не за страх, улыбкой боли боль стирая. Живешь, как будто и не жил, существовал, но грезил солнцем, и в небе ветер заслужил, и дождь глухой стучит в оконце. А если сможешь обмануть бесславных дней земную волю, возьмет удача верный кнут и подстегнет крутую долю. Ну а когда ты на коне – уже не страшен серый ветер, и снова ты в благом огне открыт для доброты и света...

Горька дорога приключений под новый стиль пугливых лет, принять непросто бренность мнений, когда долгов случайных нет, когда не снится шепот грусти, когда лепечет пустота, когда романтика – без чувства, когда провалена мечта, когда бродит душа устала, когда грехов – стальная клеть, когда удача больно жалит, когда в фуражке нет монет, когда не можешь обмануться, когда слетает сон лихой, когда

обязан ты проснуться, когда ты сам уже не свой... Приди ко мне с повинной, совесть, все – преходяще, вечен – свет, и вряд ли ты себе позволишь принять безжалостный обет...

Миг приключений – это лишь ты, не ждущий прощенья обломок мечты, рука правосудья, объект маеты, и пристань надежды, глоток чистоты, лукавая робость и грешная боль, и то, что заставит проститься с тобой... Ты – вечность мгновенья, раскованность дня, и шепот сомненья в порыве огня, ты – первый, последний – ни шагу назад... Твою бесконечность лишь солнцу познать...

Мы не привыкли воевать, мы не хотели убивать ни ум, ни честь, ни совесть... И не исписана тетрадь, не пройдена земная пядь, и смерть – на воле... Вокруг опять кипит война, ей все – по силам, не до сна... И в нежном блеске синих звезд она задумалась всерьез о судьбах грешных непростых, так, походя, сметая их... Не остановишься – поймешь: людская доля – медный грош, припавший пылью на полу... Опять тебе не по нутру простая память века для... уничтожения огня...

Лает, лает злая свора, в горле крик – держите вора, на засов закройте двери от нечаянной потери. Отведи мерзавца руку, что замком железным грюкал, что стучал, слюною брызгал, где что есть, – нахально вызнал. Он пошарил по комодам, душу – настезь, что дань моде, и запачкал, и зашлепал, и в дурман из лжи вовлек он... Это все – не понарошку: карт расклады от ворожки, дом казенный, туз и трэф, а в конце концов все – блеф... Уворовано. Нейметса снова в сердце бросить солнца... А в нежданности измены – лишь судьбы крутые крены...

Занавесила тоска города. Телефонные гудки – провода. Небо виснет над распятием дня. И куда-то мир бежит от меня.

Если б можно было заново спеть. Да охапкой все отчаянье – в клеть. Правда силой всем долги раздает. Проплывает, как отчаянье, плот. На него ступлю босою ногой. Знаю, знаю: это все – не с тобой. Захлестнула вдруг волна-кипяток. Ты – на запад. Ну а я – на восток...

Самозванец незнакомый женихается к вдове, он уже горит истомой и цветок сорвет в траве. Лик его надеждой светел, каждый день ему – что друг, он в мужья попасть наметил не сегодня и не вдруг. Ожидает он решенья милой вдовушки своей, он весь полон нетерпенья, и сердечко – все смелей. А она – как будто роза в чистых капельках росы. Боже мой! Какая проза! И затишье без грозы... Нет любви, и нет волнения, сказки, чуда – тоже нет. И не хочет измененья тот сомнительный дуэт. «Буду жить, как и жила я», – гордо думает вдова, – пусть корит тупая, злая, недалекая молва». С нелюбимым жизнь – что мука, нет просвета в пустоте. И так радостна разлука, когда губы вдруг – не те...

Ох, это сатанинское число, где три шестерки пережаты смыслом, так слово в математику вошло, а звуки коромыслом в нем повисли. Тут суть ясна, предельностью – пуста, не стоит познавать ее братанье, там гроздь шестерок – дьявольски проста, но поведет всей суммой на закланье. Делить, слагать, умножить, вычитать – те действия всегда точны и четки... Но главное здесь – все же сознавать: зачем, когда и кто – с тобою в лодке...

Быль приключений, без конца и края, на лестнице судьбы, от ада и до рая, мы – странники твои, земная твердь, паломники твои, эпоха-смерть. Храни же нас от боли и печали, тщеславия, пророчества скрижалей, надежды вечная гордыня, на росчерке веков жестоких... И доньне...